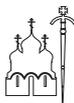

Митрополит Черногорско-Приморский
АМФИЛОХИЙ (РАДОВИЧ)

ИСТОРИЯ ТОЛКОВАНИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Перевод с сербского Н. В. Ивкиной
под общей и научной редакцией
А. Г. Дунаева

Москва
Издательский Совет
Русской Православной Церкви
2008

Вршац, 1989; «Возвращение душе чистоты». Подгорица, 1992; «Основы православного воспитания». Врнячка Баня, 1993; «Святосаввское просветительское предание и просвещенность Досифея Обрадовича». Врнячка Баня, 1994. Его перу принадлежат также переводы с сербского на греческий: *Епископ Николай*. «Кассиана» (роман), 1973; *о. Иустин Попович*. «Житие святого Симеона и Саввы», 1974, — и с греческого на сербский: «Старец Арсений Каппадокийский»; *Митрополит Иоанн Зизиулас*. «От маски к личности», 1993; «Премудрость Соломона», 1995; «Азбучный Отечник» (опубликован частями в журналах «Евангельский Зодчий», «Святая Гора»); избранные творения *свт. Кирилла Иерусалимского* и *свт. Григория Паламы*. Некоторые проповеди опубликованы в журнале «Банатский вестник». На русском языке появились переводы ряда статей митр. Амфилохия, а также вышла книга «Основы православного воспитания» (Пермь, 2000; М., 2005 под заглавием «Человек — носитель вечной жизни», измененным издателями по согласованию с автором).

Кроме богословия, философии, переводов митрополит Амфилохий занимается поэзией, эссеистикой, составлением проповедей. Он является одним из самых переводимых и известных современных сербских богословов нашего времени. Решением Ученого совета Московской духовной академии, утвержденным Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, митрополиту Амфилохию присуждена степень доктора богословия honoris causa (диплом вручен 2 января 2006 года в Большом актовом зале МДА).

етхий Завет, написанный рукой боговдохновенных людей Божиих, содержит и открывает нам тайну возникновения мира и человека, корни человеческой исторической драмы и историю (ιστορία) событий и личности (ἰδιότητες) в избранном народе Божием, всю до пришествия Христа. В нем отражается борьба евреев, борьба Иакова с Богом. А в ней и через нее — борьба каждого человека и каждого народа земли. Хотя Ветхий Завет — прежде всего книга еврейского народа, он содержит в себе универсальные послания, действительные для всех людей. Это особенно касается Авраама и других патриархов, Моисея и его закона, прозорливых пророков и их умения проникать в прошлое, в современные им события и в то, что происходило после них, вплоть до эсхатона (ἔσχατον). Присутствие живого Бога и Его вечной Славы (шехинах) в судьбах народа, людей и в исторических событиях, дает смысл (νόημα) существованию и все озаряет внутренним светом. Триумф Добра над злом (τὸ πονηρὸν), Закона над беззаконием (ἀνομία), добродетели над грехом, святого Семени (Женского) над семенем змеиным — все это темы и осязаемая реальность, засвидетельствованная в общности избранного народа. Золотая мессианская нить как предсказания пришествия Спасителя (Мессии) проходит через все события и послания Ветхого Завета и подготавливает пришествие полноты во Христе Иисусе и Новом Завете.

Огромно историческое расстояние ветхозаветных документов. Написанные в разные времена, разными людьми, они содержат в себе отблеск Божией мудрости, как и течение человеческой жизни (ζωή). Поэтому проникнуть в их глубину, охватить множество личностей и событий, исторических связей и влияний, внутренних и внешних, не легко и не просто. Все это проблемы и темы, которыми занималась и занимается как библейская и компаративная история, так и библейская археология. К этому необходимо добавить и библейскую герменевтику (ἑρμηνευτική) (науку о толковании) и экзегезу (только толкование) ветхозаветных документов. Немаловажна и тема изучения ветхозаветных документов как литературных произведений своего времени, связанных с культурой, языком, обычаями, современными им идеями (ιδέα) и представлениями, литературными направлениями и т. д.

Из всего этого настоящее исследование занимается только историей ветхозаветной экзегезы. При этом никак нельзя обойти молчанием ни само богословие (θεολογία) Ветхого Завета, ни краткое толкование (ἑρμηνεία) некоторых из главных тем самого ветхозаветного откровения Божиего.

Это исследование первоначально было предназначено студентам богословского факультета и представляло собой ряд лекций в академических курсах 1977/8 и 1978/9 годов.

Учитывая повышенный интерес к Библии и истине (ἀλήθεια) библейского Откровения, и не только Нового, но и Ветхого Завета, имея также в виду огромный дефицит у нас основной литературы, занимающейся такими важными библейскими вопросами, которые помогали бы пониманию библейских посланий, мы приняли предложение студента Слободана Станишича и других напечатать это исследование вторым изданием. При этом первоначальное название «Толкование Ветхого Завета на протяжении веков. Краткая история ветхозаветной экзегезы» (Белград, 1979 год) для ясности было заменено названием «Исторический обзор толкования Ветхого Завета»¹.

К этому изданию также добавлены наш перевод ветхозаветной Книги Премудрости Соломона и издательский указатель паримий, т. е. текстов из Ветхого Завета, которые читаются на богослужении, особенно в великие праздники, и в которых чаще всего содержатся пророчества (προφητεία), соответствующие тому празднику, событию или личности, которые в этот день прославляются². Для облегчения пользования книгой издатель добавил сербско-греческий словарь основных понятий³ и словарь значимых имен⁴.

Как автор, так и издатель будут благодарны Богу, если эта книга внесет хотя бы малый вклад в пробуждение любви (ἀγάπη) и интереса к Священному Писанию Ветхого Завета и его непреходящей мудрости.

[Память] свв. Кирилла и Мефодия,
24/11 мая 1995 года,
Белград

Митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий

ОСНОВЫ ТОЛКОВАНИЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

уществуют два подхода к изучению Библии: а) *внешний* и б) *внутренний*, духовный, более глубокий подход.

Что подразумевается под *внешним* подходом? Это литературное, историческое, текстологическое, лингвистическое и критическое изучение Священного Писания. Все это проблемы, которыми занимается Введение в Священное Писание вообще и, особенно, в Священное Писание Ветхого Завета. Это в большей или меньшей степени такое же отношение к Библии, как к любому другому памятнику прошлого.

Другой — *внутренний, духовный*, глубокий подход в качестве исходного пункта принимает тот факт, что Священное Писание не обычная книга и не обычный литературный памятник прошлого. Библия — это слово Божие, Откровение человеку о Боге, мире, самом человеке и смысле его жизни и окружающего мира. Если любое человеческое *слово*, даже самое простое, имеет свой смысл, то тем более это относится к слову Божию, которое по самой своей природе (φύσις) отличается неисчерпаемой глубиной. Необходим огромный труд, чтобы понять Библию даже как литературно-историческое произведение, так как и в данном качестве она органически связана со своим глубинным смыслом и без него непостижима; еще большего труда требует постижение этого глубинного содержания, смысла послания. Но успех и первого, и второго подхода не зависит только от человеческого труда и упорства: без присутствия того же Духа, которым были вдохновлены пророки и святые авторы этих текстов, и без горения в сердце такого же духовного огня слово Божие или будет искажено, или останется неразгаданной тайной (μυστήριον) за семью печатями. Это означает, что внешний и внутренний подходы к изучению Священного Писания должны быть основаны на вере (πίστις) и на священном трепете перед тайной, скрытой за словами, лицами, случаями и событиями, приведенными и описанными в нем. Результаты того, кто с верой и трепетом приступает к изучению слова Божия, и того, кто использует чисто внешний, рационалистический подход, естественно, будут разительно отличаться.

¹ 3-е издание вышло под заглавием «История толкования Ветхого Завета». — *Ред.*

² Первое приложение в настоящем издании опущено, второе переработано и дано (в гораздо большем объеме) в виде двух указателей. — *Ред.*

³ Греческие термины сохранены и в настоящем переиздании. — *Ред.*

⁴ См. именной указатель (расширенный по сравнению с сербским оригиналом) в конце настоящей книги. — *Ред.*

Но даже тот, кто подходит к Откровению как к литературно-историческому памятнику, с литературно-критическим анализом, не может не заинтересоваться глубиной, масштабом и возвышенностью библейской проблематики. Ибо библейская, в данном случае ветхозаветная, проблематика, в сущности, является проблематикой общечеловеческой. Ключевые проблемы человеческой жизни, личной и общественной, отношения человека к окружающему его тварному миру, к любви, страданию, греху (ἁμαρτία, ἁστοχία), смерти, Богу, смыслу жизни и ее конечной истине — все это изложено в Библии единственным исключительным и всеобъемлющим способом. В качестве примера приведем первые страницы Книги Бытия, историософское видение мира Пятикнижия и других исторических книг, пророческую философию истории Иова и ее проблематику, историю пророка Давида и плач псалмов, мудрость Соломона, глубоко человеческую тематику Песни Песней и ее неисчерпаемый символизм и т. д. Все это настолько близко человеку и всегда современно основным измерениям и экзистенциальным потребностям его существа, что сам человек просто немыслим без этого.

Если это действительно для тех, кто подходит к Библии с внешней стороны, то тем более это неоспоримо для верующих, которые библейское слово воспринимают как сокровищницу истинной мудрости, как символ (σύμβολον) и Откровение слова Божия, через которое даруется человеку тайна Бога, мира и человеческой истории. Ветхозаветное Откровение — не полнота (πλήρωμα) Божиего явления миру, а основа (θεμέλιον), без которой эта полнота немыслима и непостижима. В нем записана одна великая Драма, которая разыгралась между Богом и человеком, между Богом и избранным народом, и которая остается вечным критерием и зеркалом каждой человеческой драмы, идет ли речь о драме отдельной личности или о драме народа и общности.

Следовательно, Ветхий Завет — это (записанное) Откровение Бога, Откровение тайны мира как результата творческого акта (ἐνέργεια) Бога, как открытие Божией воли (ἀποκάλυψις τῆς θείας βουλής) и тревоги о мире и человеке, выраженное через заботу о избранном народе. О каждом ветхозаветном библейском слове сказано в призыве пророка Иеремии: «Слушайте слово, которое Господь говорит вам» (Иер. 10, 1). Единственно истинный метод (μέθοδος) понимания этого слова Божиего лучше всего описан

в Книге пророка Иезекииля (Иез. 3, 1–12). Здесь пророк получает приказ — *съесть* то, что перед ним: «съешь этот свиток» и им «напитай чрево твое и наполни внутренность твою» [3, 1. 3], — и тогда идти и проповедовать дому Израилеву. Только тогда, когда слово Божие проникнет все существо человеческое (τὸ ὄν, τὸ εἶναι) и охватит его, оно станет «сладким в устах, как мед» ([ср.] 3, 3), делая тех, которые «съели» и ощутили его сладость, способными усладить горькую воду человеческой жизни и готовыми на Божий призыв (Θεῖα κλήσις) «идти к дому Израилеву», идти и открыть ему волю Божию. Это слово — «горящий уголь», которым коснулся один из серафимов уст пророка Исаии (Ис. 6, 6–7), удалив от него его беззаконие и очистив грех его (6, 7) и наделив его силой и просвещением (φωτισμός), чтобы этим огнем растопить огрубевшее сердце (καρδία) народа. То, что действительно для пророка, действительно и для каждого человека: только те, которые *съедают* Книгу Божию и чьих уст коснется «живой огонь», т. е. огненная сила Духа Святого (Ἅγιον Πνεῦμα), смогут понять и истолковать глубину этого слова и предложить его миру как преображающую силу (μεταμορφωτικῆ δύναμις).

Это воплощение слова Божия (ἐνσάρκωσις τοῦ Θείου λόγου) и внутреннее горение его носителей и проповедников необходимы еще по одной причине: придя в соприкосновение с человеческим ухом и сердцем, оно встречается с головокружительной бездной человеческой свободы, с огрубелостью сердца, с глухотой ушей и слепотой очей (ср. Ис. 6, 10). Так бездонны глубины человеческой «огрубелости» и богоотступничества, что необходимо, дабы Бог (Θεός) одарил своего пророка исключительной силой — «сделал твое лицо крепким против лиц их, и твое чело крепким против их лба. Как алмаз, который крепче камня, <сделал Я чело твое>» (Иез. 3, 8–9), — чтобы ими добро (καλόν) торжествовало над демоническими силами зла и греха. Если же сердце и разум сами не открываются, то Божие слово как бы бессильно над ними, точнее сказать, его смысл становится еще более недоступным. Тогда Бог обращается к народу через пророка: «Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите» (Ис. 6, 9). Все это свидетельствует о том, что поиск смысла Священного Писания и его правильного толкования весьма сложен: он сложен настолько, насколько сложна тайна сретения скрытого Бога и человеческой жажды о Нем, т. е. тайна всецелой человеческой

жизни и мира. Это особенно касается ветхозаветной экзегезы, так как Ветхий Завет не содержит в самом себе полного смысла. Ветхозаветный летописец Божиих слов и сам ожидает от будущего, что он поймет их полный смысл и значение *образов*, которые открываются ему, и *событий*, в которых он участвует и которые описывает. Красной нитью, которая проходит через весь Ветхий Завет, является мессианская надежда и ожидание. Экзегеза (ἐξήγησις) непосредственно зависит от осуществления или неосуществления этой мессианской надежды. Поэтому еврейская экзегеза до Христа совсем другая, чем христианская, так как христианское толкование основывается на сбывшейся надежде, а еврейское — все еще в ожидании исполнения этой надежды. Это различие становится еще более радикальным и глубоким, поскольку отношение к Ветхому Завету остается тем же и после пришествия Христа, т. е. поскольку Старый Завет истолковывается и далее так, как будто Христос не приходил. Таковым является случай с иудейским толкованием, которое не принимает Христа как ожидаемого Мессию, а продолжает жить в надежде, что Он только еще должен прийти.

Это является доказательством того, что и внутреннее толкование может стать внешним, и это происходит в тот момент, когда оно основывается [только] на слове, на буквальности, которая убивает, а не на духе и духовном огне, которые просвещают и животворят. На этом распятии между словом и духом, между огрубелостью сердца и серафимским пылом и просвещенностью небесным огнем, распята экзегеза, как и сам человек, на протяжении всей своей истории. Мы хотим привести здесь краткий очерк истории экзегезы, начав от древнего иудаизма и до наших дней. При этом, такой беглый обзор истории ветхозаветной герменевтики ставит перед собой цель (σχολός) стать введением в современное толкование Ветхого Завета, основанное на многовековом историческом опыте Церкви и его критериях.

ТОЛКОВАНИЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В ДРЕВНЕМ ИУДАИЗМЕ

Для древних евреев Священное Писание было *правилом* (κανών) веры и жизни. Поэтому и отношение евреев к священным документам, полученным через Моисея и пророков, всегда основной целью ставило не научное познание, а ознакомление с ними как с выражением воли Божией и как с правилом, с которым необходимо согласовывать всю личную жизнь всего избранного народа. *Tora* — это Закон Божий (Θεῖος Νόμος), через нее говорит Бог. Его слово — не только *книги*, но и *деяния* пророков. Прежде всего, необходимо быть послушным слову Божию. Но, чтобы слушаться этого слова, необходимо сначала понять, что это *слово* говорит, т. е. нужно найти его смысл. Поэтому необходимо истолковывать, изучать, исследовать и искать его глубокое значение. Таким образом, ветхозаветные книги с самого начала (ἀρχή) истолковывались, но до наших дней сохранились древнеиудейские толкования только от II века до Рождества Христова. И не только потому, что существующие толкования некоторых книг или текстов были менее ясны, просто часто книги, появившиеся позднее, оказывались неким видом истолкований книг предыдущих.

Из этих древних толкований появился так называемый *мидраш*. Это раввинские толкования, которые обычно появлялись в школах для раввинов, певчих и в набожных кругах, занимавшихся изучением Священных Книг для своего нравственного усовершенствования. Глагол *дараш*, из которого появилось слово «мидраш», указывает на идею изучения: Священное Писание исследуется и изучается, но не для удовлетворения любопытства, например — кто написал один или другой священный документ, а для того, чтобы установить, что этот документ значит сегодня, каков его конкретный смысл и как его нужно использовать в повседневной жизни.

Первая форма мидраша — так называемая *халаха*. Этот метод толкования и изучения Торы ищет в ней, прежде всего, правил

для поступков и законного поведения, юридических установок и культовых предписаний. Такой вид экзегезы встречается и в кумранских текстах.

Вторая форма мидраша называется *хаггада*. Так еврейские учителя называли все толкования Священных Книг, целью которых является духовное образование (μόρφωσις) верующих: нравственное, литургическое, догматическое. Такой метод толкования осуществляется разными способами, двигаясь от простых объяснений к свободному толкованию и проповеди.

Существует и третья форма мидраша, с которой мы встречаемся в кумранских рукописях. Она называется *песхер*. Здесь речь идет об актуализации книг пророков, через показ исполнения их пророчеств в событиях недалекого прошлого или настоящего, чтобы одновременно указать и на то, «что будет» в будущем.

Основная цель и стремление еврейского мидраша в том, чтобы показать значение слова Божия для жизни. Он всегда делает акцент на божественном происхождении Торы и ее абсолютном значении, находя в Святых Книгах открытыми все Божии тайны. Это толкование несет ощущение *единства* Священного Писания; отдельные места и тексты объясняются [не только] другими [текстами], но и *живым преданием*, современными обычаями, культом. Для него личности авторов не столь существенны, однако книги обычно именуется по авторам (Моисей, Давид (Псалмы), Премудрость Соломонова). Это толкование концентрирует всю жизнь еврейского народа вокруг Священного Писания, еще до кодификации мидраша раввинами употребляет контекст, т. е. объясняет один текст другим. Подходя, наконец, к событиям, происходящим в Израиле, и видя их как осуществление Божиего плана, который, как все верят, предсказан в Писании и скрыт как тайна за словами, мидраш старается этот план расшифровать, придерживаясь при этом *общего смысла*, хотя иногда рассматривая и детали.

Александрийская еврейская община начала использовать и *эллинские* методы толкования. Это особенно относится к **Филону**, который пытался соединить Библию со своими философскими идеями. Однако из этого возник герменевтический метод и направление, которые несвойственны Библии, ибо ее цель не философское понимание мира и человека, а укрепление отношений между Богом и человеком.

То, что составляет костяк этой древней еврейской экзегезы, — это вера в то, что Священное Писание — действительно слово Божие. В нем общий смысл предваряет объяснение деталей: оно и тогда придерживается общего смысла, когда некоторые детали трудно совмещаются с ним. Именно эти трудности и подталкивают толкователей к более тонкому и углубленному анализу. Древнееврейский мидраш использовал и современные ему научные средства, изучение истории и традиций (παράδοσις), которые сохранялись наравне с каноническими ветхозаветными текстами.¹

¹ См.: *Introduction à la Bible*. С. 173–178.

Новозаветное толкование Ветхого Завета может быть понято только в контексте, притом непосредственном, древнееврейского мидраша. Конечно, по самой своей природе оно вносит новое и, что еще важнее, рассматривает все *sub specie Christi*¹: через воплощение Сына Божия, обещанного Мессии, — абсолютная новость, которая обуславливает новый подход к Ветхому Завету. Но все же этот новый подход находится целиком в рамках тогдашней иудейской традиции. Сам Христос, как и Его апостолы, просто неотделимы от иудейского герменевтического предания, и их первейшей целью является раскрытие глубокого смысла Ветхого Завета. Основываясь на Законе и пророках, Он открывает в них более глубокое измерение, являя Себя как их осуществление. Так как еврейская идея вся устремлена в будущее, на то, что произойдет (явление Мессии), она вся пронизана эсхатологическим духом, а Новый Завет основывается на факте, что это будущее уже началось, т. е. в открытом Логосе (Λόγος) возникла историческая реальность.

Царство Божие (Βασιλεία τοῦ Θεοῦ), к которому стремится весь Ветхий Завет как к чему-то, что должно наступить, существует в проповеди Христа как что-то, что уже здесь, что-то очень близкое и реально присутствующее в Его личности, поступках, жизни. Христос не отбрасывает Закон и пророков, Он их исполняет (Мф. 5, 17), т. е. Он их полнота. Этот новый момент требует коренной реинтерпретации ветхозаветных текстов, но не в том смысле, что новый смысл заменяет старый, а в смысле открытия новых невиданных глубин. И в апостольской проповеди Иисус — это тот [самый] Мессия, предсказанный в Писании: «Ибо я первоначально преподавал вам, что и [сам] принял, [т. е.], что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию» (1 Кор. 15, 3–4). Таким образом, апостольское толкование — это толкование Ветхого Завета

в свете смерти Христа и Его Воскресения. Рассмотренное под этой призмой, оно все исполнено следами пришествия Христа и уведомлением о Его тайне.

Для Христа и первой Церкви Священным Писанием является Ветхий Завет. Христиане эллинистической языковой территории читают его в переводе Семидесяти, в духе Христа и толкования, данного Его Евангелием. Он подтверждает, что Он — тот Помазанник (Κεχρισμένος — Χριστός), о Ком пророчали пророки, и Дух Господень на Нем, и Он повествует о лете Господнем, и что на Нем и в Нем «ныне» исполняется Писание (ср. Лк. 4, 16–22). Первые христиане исходили из этого как из несомненного факта и искали в Писании правила жизни, но всегда в свете Христовых речей и наставлений. При столкновении тогдашней герменевтической традиции и новозаветной реинтерпретации основным стремлением последней было не уничтожить первую, а показать ее несовершенство открытием того, что было скрыто от нее в священном тексте. Так, например, Новый Завет не отвергает еврейское верование, что Христос — сын Давидов, но на основе того же Ветхого Завета показывает, что Он не только сын Давидов, но и его Господь (ср. Мф. 22, 41–45). Это оправдание новозаветного Откровения ветхозаветным было нужно ради евреев и христиан, которые пришли в христианство из еврейства.

Существуют две центральные проблемы, по которым вступают в противоречие новозаветное толкование и старый Израиль, окованный буквальным пониманием и собственным несовершенством. Это в первую очередь вопрос о личности Христа, а потом — проблема отношения *веры* и закона, о которой исчерпывающе говорит апостол Павел в Послании к Римлянам (особенно в четвертой главе). Это столкновение, которое с неубывающей силой продолжается и в наши дни, относится к самому смыслу Откровения по всем его параметрам. За этим столкновением скрывается противоречие двух *толкований* слов, событий, лиц, символов, описанных в Священном Писании, через которые Бог открывал и открывает Себя миру. Поиск духовного смысла ветхозаветных событий, свойственный Новому Завету, приводит к оттеснению иудейской халахи (юридической герменевтики). Новозаветное толкование больше развивается в направлении хагады (поиск нравственного и религиозного смысла). При этом весьма часто используется песхер (осуществление пророчества и апокалипсиса

¹ С точки зрения Христа (лат.). — *Ред.*

пророка и апостола Иоанна). Толкование основывается не только на Первом пришествии Христа, но и на Его *Втором*, будущем пришествии. Этот очень важный апокалипсический мотив новозаветной герменевтики основан на Втором пришествии Христа и по своей глубинной сути подобен древнеиудейскому ожиданию, но между ними есть и существенное различие: Новый Израиль собран в Церкви, ожидает Христа, который однажды уже пришел в «образе раба» [Флп. 2, 7], чтобы Он явился во всей Своей славе, в то время как старый Израиль все еще дожидается Его Первого пришествия. Во всей жизни новозаветной Церкви, в ее молитвах (προσευχή) и богослужении, учении, образе жизни, тайна Царства и тайна Иисуса — существующая реальность; для старого Израиля, который сознательно отверг Христа и все еще Его отвергает, на месте этого Царства и существующей реальности остается только тоска по ним. В этом заключается весь исторический трагизм еврейства, но и его загадка, которая может быть разрешена только в историческом, лучше сказать метаисторическом, эсхатоне. Через это родство до полного сращения, как и через отличие, которое граничит с Христоубийством, староеврейство в своем упорстве было и остается вечно присутствующим историческим крестом (σταυρός) христианства и его толкования Откровения.

Герменевтические принципы апостола Павла

Никто так глубоко не ощутил этот крест, как его почувствовал и переживал апостол Павел. Во многих своих Посланиях он вступал в ожесточенную борьбу с иудейским усердием «не по разуму» (οὐ κατ' ἐπίγνωσιν) [Рим. 10, 2], ограниченностью и огрубелостью сердца. Он принимает основное положение евангелиста о Христе как «исполнение» и «совершение» (πλήρω, τελειῶ) Закона и пророков (ср. Мф. 5, 17–19; Лк. 4, 21; Деян. 1, 16; Ин. 19, 28; и т. д.), так же как и положение о соответствии времени Его пришествия с *полнотой* времени: «Но когда пришла полнота времени, — говорит он, — Бог послал Сына Своего, Который родился от жены» (Гал. 4, 4; ср. Мк. 1, 15). Этой полноте предшествует долгое домостроительство спасения (Θεῖα οἰκονομία) (Рим. 10, 4; Евр. 10, 1. 14), которое «завершается» на Голгофском Кресте (Ин. 19, 30 — τετέλεσται).

Апостол Павел различает в Ветхом Завете «букву» и «дух» (2 Кор. 3, 6; Рим. 2, 29; 7, 6). Под «буквой» (γράμμα) он подразумевает еврейское толкование, превзойденное пришествием Христовым. «Дух» (πνεῦμα), который животворит, — это более глубокий и истинный смысл ветхозаветного Откровения. Он доступен только вере и Духу Святому. Закон «был для нас детоводителем ко Христу» (Гал. 3, 24), поэтому и буква обусловлена этим детоводительством, и Закон является только подготовкой к вере и Христу. Этот «дух» и смысл Ветхого Завета органически связан с его *словом*: слово — реальный «образ», прообраз, но и указатель скрытой реальности, которая посредством этого «образа» (*типологически*) обнаруживается. Этот «образ» одновременно и реальный исторический «пример», и пророческий «образ», который предсказывает то, что должно произойти «в конце времен». Поэтому и говорит святой апостол: «Все это происходило с ними, как образы (τύποι συνέβαινον ἐκεῖνοις); а описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор. 10, 11), — так все это произошло, и «это были образы для нас» (τύποι ἡμῶν ἐγενήθησαν) (10, 6). Таким образом апостол не только сохраняет полную историчность события и конкретность ветхозаветных слов, но и открывает более глубокое значение каждого события и слова. К этому типологическому толкованию относится и *параллель*, и не только между Адамом и Христом (Рим. 5, 14): Адам «есть образ будущего» (τύπος τοῦ μέλλοντος). Таким образом, все события Ветхого Завета, лица, жертвы, праздники — только «тень» (σμία) того, что придет, т. е. «тела» Христова (Кол. 2, 17).

Здесь основа Павловой *аллегорической* экзегезы как направления поиска истинного смысла текста ветхозаветных книг. Применяя аллегорический метод при толковании Ветхого Завета, святой апостол никогда не уходит от историчности и конкретности *типологического* метода. Вот один из примеров его аллегорического толкования. Чтобы подчеркнуть разницу между свободой детей Божиих и рабством перед законом, он образно сравнивает свободную Сарру и рабыню Агарь, из которых одна рождает по духу, а другая — по плоти (ср. Гал. 4, 21–31). Рождение в рабство и рождение в свободу, закон и вера, Агарь и Сарра, нижний и вышний Иерусалим, рабство и усыновление — все это в образном, аллегорическом виде содержится в «рабе и ее сыне» и в «сыне свободной», детьми которой мы являемся (Гал. 4, 30–31).

Наряду с *параболой*¹ и *символизмом* (свойственным александрийским евреям), которые апостол Павел также употребляет при толковании Ветхого Завета, особенно в Послании к Евреям (9, 9 — скиния завета и жертвы, символ Христовой жертвы; 11, [17] — жертва Исаака, «символ» Христа), в том же Послании мы встречаемся с еще одним мотивом, очень важным для нахождения смысла Ветхого Завета. Ветхозаветные предметы и события не только «тьень» и «образ», прообразы того, что должно произойти: они имеют свой *архетип* (ἀρχέτυπον), прообраз (προεικόνιστος)² на небе, который им предшествовал. Ветхозаветные события и вещи суть земная картина, репродукция (ὑπόδειγμα), местообразы (ἀντίτυπα) (Евр. 4, 11; 8, 5; 9, 23. 24), «тени» (σκιαι) (8, 5; 10, [1]) небесных предметов. Эта прасущая реальность, как небесный Иерусалим, который с самого начала существует в Боге, есть не что иное, как будущие тайны «конца веков» (9, 26). *Вечное добро* и *будущее благо* тождественны (2, 5; 5, 9; 6, 5; 9, 11–12; 10, 1; 11, 20; 13, 14)³, они даруются через Христову жертву как реальное добро; эсхатон — завершение иудейской истории, во Христе — начало ее полноты, но тот же самый Христос есть и «архетип» целого домостроительства: Ветхий Завет — Его *тьень*, а Новый не столько тень, сколько *икона* (εἰκών) Его и *будущих благ и вещей в Нем* (10, 1). Таким образом, вся история, вместе с «праисторией» и метаисторией, включены в Христову тайну. Закон не в состоянии даровать совершенство, так как он только «тьень будущих благ», а не «икона вещей». Только тогда, когда открылся «Первообраз» (πρωτότυπον), архетип, дана была и вечная доброта и показано, что лица, события установят антитипы Его полноты.⁴

На основе этого могут быть применены к Христу тексты, в которых говорится о Мелхиседеке, Моисее, патриархах и жертвах. Это не самовольный и случайный аллегоризм; он основан на *богословии истории*, типичном для христианства, по которому вся история сосредотачивается в личности Христа как Альфе и Омеге и полноте всех исторических «теней», «образов» и событий, т. е.

¹ Т. е. «притчей». — *Ред.*

² Автор образовал это слово, исходя из лексики новогреческого языка, в древнегреческом встречается лишь προεικόνιστος. — *Ред.*

³ Не вполне вразумительный длинный ряд ссылок сербского подлинника восстановлен лишь приблизительно. — *Ред.*

⁴ См.: *Introduction à la Bible*. С. 178–184.

всех *Богоявлений*. Так раз и навсегда основана христианская экзегеза Ветхого Завета. На первый взгляд она является продолжением раввинского толкования и александрийского аллегоризма, но если посмотреть глубже, она не только это. Вместо Торы, Закона как критерия всего христианское новозаветное толкование принимает как критерий и меру личность Христа: Христос — ключ Откровения и полнота всех Богоявлений, вся экзегеза устремлена к Нему как к Началу и Концу всего, что свершилось и что еще должно произойти. Встреча с Ним и получение Его единственного Духа дает авторам Евангелия, а потом и святым отцам, исключительную надежность и непоколебимость экзегезы, а также и единственность в их подходе при всем многообразии различных ветхозаветных событий, лиц, правил, символов, картин и слов. Из этого развивается толкование, коренящееся в тайне Божиего Промысла (Πρόνοια τοῦ Θεοῦ) о мире и человеке, в тайне Богоявлений, многоразличных и многообразных [ср. Евр. 1, 1], которые увенчиваются Воплощением Бога Логоса. Эта уверенность, основанная на внутреннем опыте веры и живой встрече с личностью Христа, много сильнее и ощутимей, чем уверенность, пришедшая через рациональный внешний анализ и изучение текста, преобладающая в современное время, особенно на Западе.

В период, последовавший за апостолами, на его основах, в контексте с каждой определенной эпохой и ее проблемами христианская экзегеза Ветхого Завета имела и прошла несколько этапов, из которых самыми главными являются следующие: *раннехристианская экзегеза, средневековая и нового времени*. До XI века герменевтика Востока и Запада смешивалась и взаимно дополнялась; с XI века Восток остается верен — и до падения Константинополя, и после — духу раннехристианской и святоотеческой экзегезы, а Запад проходит сначала через *схоластическую* реинтерпретацию Откровения, а потом через герменевтику *реформации*, которая частично рождается из этой первой, а частично является реакцией на нее. Из этого *схоластическо-ренессансного* подхода к Откровению возникает и так называемая современная западная библейская наука. И одна, и другая, и третья были и остаются постоянным крестом и вызовом православию.

ля раннехристианского толкования Священное Писание не являлось больше только Ветхим Заветом, но в него включались и новозаветные тексты святых апостолов и учеников Христовых, являющиеся ключом к пониманию Закона и пророков и краеугольным камнем христианской проповеди. Это было время, когда герменевтика занималась жизненными проблемами Церкви, а Священные Книги служили для просвещения и преобразования (Μεταμόρφωσις) всей жизни верующих. Слово Священного Писания стало *правилом* жизни, мышления и деятельности. Влияние Ветхого Завета очень сильно в первых христианских общинах, даже там, где христиане не еврейского происхождения. В этом нет ничего странного: Новый Завет органически вырастает из Ветхого, а новые христианские общины возникали обычно на еврейской почве и имели еврейскую суть.

Столкновение между еврейской «огрубелостью сердца» [ср. Мф. 13, 15; Деян. 28, 27] и новозаветным толкованием, которое проявилось уже во время самого Господа Христа и Его апостолов, сейчас еще больше углубляется, а также расширяется борьбой с многобожием, с которым Церковь непосредственно сражается. Из этого конфликта рождается двоякая *апология* христианства: защита новозаветной герменевтики от еврейской бедности, законничества и буквального подхода к Ветхому Завету, с одной стороны, и доказательство превосходства Ветхого Завета и пророков над эллинской мудростью, с другой стороны. Толкование этого времени находится в прямой связи и с борьбой Церкви против искажений веры разными ересями; основной его целью является сохранение верности завету веры и Священному Писанию (2 Тим. 3, 14).

Христианские *апологеты*, чтобы доказать истинность христианской веры по сравнению с языческими мифами и философией, не показывают Церковь как что-то новое: они органически связывают Ветхий и Новый Заветы, обосновывая эту связь прежде всего на пророчествах об Искупителе. Поскольку Моисей жил гораздо

раньше эллинских философов, христианство и старше, и достойнее мифологических религий и вообще философии «по человеку» [ср. Кол. 2, 8].

Один из древних апологетических текстов, ПОСЛАНИЕ ВАРНАВЫ¹, своей целью ставит изложение смысла ветхозаветного Откровения. По этому тексту, источником (πηγή) заблуждения еврейской экзегезы является ее буквальность. Поэтому автор Послания ищет духовный смысл текста, который соответствует «совершенному знанию», и дает *аллегорическое толкование* учению и заповедям Ветхого Завета. *Жертвы* и их приношение обозначают принесение в дар сердца, а не заклание животных; *обрезание* касается не обрезания плоти, а совести; закон требует не воздержания от мяса нечистых животных, а от греха, который нечистые животные символизируют. Нечистая свинья — это люди, неблагодарные руке, которая их кормит. На основании написания числа 318 τμη(σοῦς) и имени (Ἰωαὴν) «Иисус» автор Послания делает вывод, что обрезание 318 слуг, которое совершил Авраам, означает искупление (ἐξάγορά, ἐξάγοράσις) смертью и Воскресением Христовым.

По мнению апологета [св.] **Аристиды Афинского**², евреи достойны уважения, так как их понимание природы Бога совершеннее эллинского понимания и нравственность их выше. Однако их недостаток заключается в том, что они больше лгут и обращают больше внимания на внешние обряды, обрезание, пост, праздники, а не на истинное почитание Бога. Поэтому христиане имеют совершенную набожность³.

Аристон Пельский⁴ одним из первых защищает христианство от иудаизма в своем утерянном произведении «Разговор между Ясоном и Паписком» о Христе. Ориген сообщает нам, что Аристон подвергался нападкам Цельса из-за *аллегорического* толкования Ветхого Завета, пока сам Ориген не взял Аристона под защиту. В своем толковании Аристон говорил об исполнении пророчества во Христе.

¹ Сагарда. Лекции по патрологии. С. 86–109; *Handbook of Patristic Exegesis* I, 423–424. — *Ред.*

² Сагарда. Лекции по патрологии. С. 218–231. — *Ред.*

³ *Quasten*. Initiation I, 219. См. также: Аристид. Апология, [14] // Библиотека греческих отцов [ВЕП. Т. 3]. Афины, 1955. С. 147. [Рус. пер.: СДХА, 318.]

⁴ Сагарда. Лекции по патрологии. С. 231–235; *Handbook of Patristic Exegesis* I, 517–518. — *Ред.*

Св. Иустин Философ¹ (II век) оставил нам свою работу Диалог с Трифоном, которая представляет одну из самых древних сохранившихся апологий христианства против иудейства. По св. Иустину, Моисеев закон имел временное значение, старый Израиль заменяется новым Израилем, а это — христиане. Все это, как и тот факт, что Иисус Христос — Бог, он доказывает пророчествами. Особенное внимание автор уделяет текстам Ветхого Завета, в которых говорится об оставлении старого Израиля и принятии язычников². В своей Апологии (I, 44) Иустин утверждает, что Моисей старше философов и что философы писали под влиянием пророка о бессмертии души (ἀθανασία τῆς ψυχῆς), небожителях, наказании после смерти и т. д.

Св. Иустин был первым из толкователей, который в своем Диалоге дал, на основании Павловой параллели Христос — Адам, параллель Мария — Ева. Ева, по его мнению, была непорочной девой. Но когда она зачала и приняла в себя слово змея, родила непослушание и смерть. В противоположность такому зачатию, Дева Мария, с того момента как архангел Гавриил явил Ей благовестие о том, что Дух Святой сойдет на Нее и Высшая сила осенит Ее, зачала веру и радость и Сына Божия, Вечного Логоса. Она зачала Того, о Ком говорится в Священном Писании и через Кого Бог стер голову змею [ср. Пс. 73, 14 LXX] вместе с ангелами и людьми, похожими на змея³. Пророки предсказали и прозрели всю историю Христа, говорит Иустин в своей Апологии. «Чистая жертва», о которой повествует пророк Малахия (Мал. 1, 10–12), является пророческим предсказанием *Евхаристической Жертвы*, которая не имеет ничего общего ни с кровавой жертвой иудеев, ни с жертвами языческим идолам, это «духовная⁴ жертва» (λογικὴ θυσία)⁵ — единственная достойная настоящего Бога. Она духовна,

¹ Сагарда. Лекции по патрологии. С. 235–279; *Handbook of Patristic Exegesis* I, 434–438. — *Ред.*

² См.: св. Иустин Философ. Апология 1, [31–39] // Библиотека греческих отцов [ВЕП]. Т. 3. С. 176–181. [PG 6, 376–388. Рус. пер.: *Иустин Философ*. Творения. С. 60–69.] См. также: *Quasten*. Initiation I, 230. [= *Quasten*. Patrology I, 203.]

³ Св. Иустин Философ. Диалог с Трифоном, 100. [PG 6, 709–712. Рус. пер.: *Иустин Философ*. Творения. С. 295–296.]

⁴ Перевод авторский, другие возможные варианты: «разумная, словесная». — *Ред.*

⁵ Буквально такое выражение не встречается ни у св. Иустина Философа, ни в Священном Писании. В чине Литургии встречаются словосочетания πνευματικὴ θυσία, λογικὴ λατρεία (ср. Рим. 12, 1 и 1 Пет. 2, 5). — *Ред.*

«разумна», потому что ее приносит Логос, Он Сам Себя приносит в Жертву, раз и навсегда исключая все кровавые, внешние жертвы¹. Подчеркивая, что сущностью христианства является эта «духовная жертва», св. Иустин хочет этим показать, что в христианстве осуществились глубинные стремления эллинской мысли и предсказания ветхозаветных пророков об уничтожении внешне-богослужения (Апология I, 13).

[Св.] **Мелитон Сардский**² в своей беседе О СТРАСТЯХ ХРИСТОВЫХ перефразирует текст Книги Исхода, особенно ту ее часть, где говорится об установлении Пасхи. В продолжении своего сочинения он дает толкование текста, обнаруживая в нем типологию испупительного подвига Христа. Исход и Пасху он называет «тайнами», в смысле таинственности их содержания, которые по своему надприродному характеру превзошли исторический факт. Они суть «образы» (τύποι) того, что произойдет после Распятия и Воскресения Христова. Как пасхальный агнец и его заклание было избавлением для евреев, так и жертва Христа гарантирует спасение (σωτηρία) от греха и смерти. Христиане, как и евреи, приняли на себя печать в знак освобождения. Смерть Христа предсказана, но это не уменьшает ответственности евреев, так как они по своей воле отреклись от Него³.

В это время появляется и *гностицизм*⁴, который был в некотором роде смешением христианства и язычества. Почти для всех гностиков характерно отрицание Ветхого Завета. Так, например, **Маркион**⁵ отрицает Бога, Которого благовестили «закон и пророки», как и все Его деяния. Он называет Его космократором⁶, являющимся источником (αἴτιος) всякого зла. Он, как и **Валентин**⁷, в целом отрицает Ветхий Завет и пользуется, как и все гностики того времени, *мифологическими аллегориями*. Гностики христианского происхождения применяют аллегорию даже и при толковании

¹ См.: *Quasten*. Initiation I, 247. [= *Quasten*. Patrology I, 218.]

² Сагарда. Лекции по патрологии. С. 305–311; *Handbook of Patristic Exegesis* I, 473–476. — *Ред.*

³ См.: *Quasten*. Initiation I, 275. [= *Quasten*. Patrology I, 243.]

⁴ Сагарда. Лекции по патрологии. С. 364–370; *Handbook of Patristic Exegesis* I, 448–449. — *Ред.*

⁵ *Handbook of Patristic Exegesis* I, 450–453. — *Ред.*

⁶ Миродержцем. — *Ред.*

⁷ *Handbook of Patristic Exegesis* I, 454–470 (с отсылкой к специальным библиографиям). — *Ред.*

Stephanou P. E. 63сн.	Windelband W. см. Виндельбанд В.
Stylianopoulos Th. 59 ⁷	Yocum J. P. 88сн.
Sundberg A. C. 175 ¹	Zaharopoulos D. Z. 33 ³
Swierzawski W. 87сн.	
Symeon the New Theologian см. Симеон Новый Богослов	Ἁγάπιος, ἱερομον. 209
Tatakes V. N. см. Татакис В.	Γανναράς Χ. см. Яннарас Х.
Termini C. 88сн.	Γρηγόριος ὁ Παλαμῆς см. Григорий Палама
Tertullien см. Тертуллиан	Καλλοῦρτζη Ε. Κ. 209
Theodor Abu Qurra см. Феодор абу Курра	Κούγκου Ἐ. см. Кукку Е.
Theodoridis Ch. 64сн.	Κρουμπάχερ Κ. см. Крумбахер К.
Theodore of Mopsuestia см. Феодор Мопсуестский	Μπενάκης Λ. см. Benakis L.
Theophanes Nicaenus см. Феофан Ни- кейский	Μπρατσιώτης Π. см. Брациотис П.
Thomas Aquinas см. Фома Аквинский	Νικήφορος Θεοτόκης см. Никифор Феотокис
Trapp E. 74 ²	Νικόδημος ὁ Ἁγιορείτης (μοναχός) см. Никодим Святогорец
Uffenheimer B. 87сн.	Παῖσιος Βελιτοκόφου см. Паисий Велич- ковский
Vijgen J. 86сн.	Παναγόπουλος Ἰ. см. Панагопулос И.
Villagrasa J. 86сн.	Παυλόπουλος Ν. см. Павлопулос Н.
Van Oort J. 219 ³	Σδράκας Ε. Δ. 74сн.
Vrin J. 86сн.	Τατάκης Β. см. Татакис В.
Weaver R. H. см. Уивер Р. Х.	Ταχειάος Ἁ.-Ἁ. Ν. см. Тахиаос А.-Э. Н.
Weijers O. 88сн.	Χρήστου Π. Κ. см. Христу П.
Weinandy T. G. 88сн.	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Заметка об авторе</i>	3
<i>Предисловие [ко 2 изданию]</i>	5
ОСНОВЫ ТОЛКОВАНИЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ	7
ТОЛКОВАНИЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В ДРЕВНЕМ ИУДАИЗМЕ	11
НОВОЗАВЕТНАЯ ЭКЗЕГЕЗА ВЕТХОГО ЗАВЕТА	14
Герменевтические принципы апостола Павла	16
РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЭКЗЕГЕЗА ВЕТХОГО ЗАВЕТА	20
ЗАПАДНЫЕ ЭКЗЕГЕТЫ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ВЕКОВ	35
ЭКЗЕГЕЗА КАППАДОКИЙСКИХ ОTCОВ	39
ЭКЗЕГЕЗА ВЕТХОГО ЗАВЕТА ПОСЛЕ ХАЛКИДОНСКОГО СОБОРА	43
Послехалкидонский период на латинском Западе	52
ВИЗАНТИЙСКИЕ ТОЛКОВАТЕЛИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА X–XV СТОЛЕТИЙ	58
ЭКЗЕГЕЗА ВЕТХОГО ЗАВЕТА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДЕ	84
ЭКЗЕГЕЗА ВЕТХОГО ЗАВЕТА [У ГРЕКОВ] ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КОНСТАН- ТИНОПОЛЯ	95
ЭКЗЕГЕЗА ВЕТХОГО ЗАВЕТА У ПРАВОСЛАВНЫХ СЛАВЯН	112
Ветхий Завет у сербов в средние века	115
Экзегеза Ветхого Завета у русских и болгар	120
Экзегеза Ветхого Завета у румын	143
ЭКЗЕГЕЗА ВЕТХОГО ЗАВЕТА В XIX ВЕКЕ	148
Ветхозаветная экзегеза у русских	148
Ветхозаветная экзегеза у сербов	163
Ветхозаветная экзегеза у православных румын и у греков	172
ВЕТХОЗАВЕТНАЯ ЭКЗЕГЕЗА В XX ВЕКЕ	177
<i>Цитированная литература</i>	201
<i>Послесловие редактора</i>	211
СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ	223
УКАЗАТЕЛИ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ЦЕРКОВНЫХ ЧТЕНИЙ (ПАРИМИЙ)	225
Календарный указатель ветхозаветных чтений	225
Ветхозаветные чтения сырной седмицы и святого Великого поста	231
Ветхозаветные чтения святой Пятидесятницы	234
Паримии общие на праздники и святых	234
Паримии на разные случаи	235
Указатель книг Ветхого Завета, используемых в богослужебных чтениях ..	235
УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ	247
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	251

**Митрополит Черногорско-Приморский
Амфилохий (Радович)**

ИСТОРИЯ ТОЛКОВАНИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Перевод с сербского Н. В. Ивкиной
под общей и научной редакцией А. Г. Дунаева

Религиозно-просветительское издание

Редактор *А. Г. Дунаев*

Младший редактор *Н. В. Ивкина*

Технический редактор *З. С. Кондрашова*

Корректоры *А. Г. Дунаев, А. Б. Григорьев*

Компьютерная верстка *И. И. Покидова*

Подписано в печать 20.11.2007. Формат 60x84 1/16.
Объем 16,5 п. л. Печать офс. Тираж 3 000 экз. Заказ №
Издательский Совет Русской Православной Церкви.
119435, Москва, Погодинская ул., 20/2

*Оттовы отдел реализа ии (495) 246-20-85, 246-52-08
Магазин (495) 245-30-68*